Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 13–19.
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2025;10(2):13-19.

Научная статья

УДК 341.231.7–336 DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-2-13-19

Правовые и организационные основы профессиональной деятельности советской милиции в отношении несовершеннолетних (1917–1977 годы)

Вадим Юрьевич Бажутин
Академия управления МВД России, Москва, Россия
vadim_b79@icloud.com

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются этапы формирования правового статуса, межведомственных механизмов работы советской милиции с несовершеннолетними в период 1917–1977 гг. Проанализированы основные нормативные акты, регламентирующие деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и органов милиции. Показано, что сочетание карательных и воспитательных мер, а также последующая межведомственная координация позволили снизить рецидив тяжких правонарушений среди подростков, заложив основу современной системы профилактики, оформленной Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Практическая значимость работы состоит в анализе наследия советской модели развития правотворчества и правоприменения в государственной политике в сфере защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: советская милиция, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, межведомственное взаимодействие, комиссия по делам несовершеннолетних, превенция, уголовная ответственность, социальная опека

Для цитирования: Бажутин В. Ю. Правовой статус и организационные основы деятельности советской милиции в отношении несовершеннолетних: эволюция практики // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 2. С. 13-19. DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-2-13-19

Original article

Legal and organizational foundations of the Soviet police professional activities with regal to minors (1917–1977)

Vadim Yu. Bazhutin
Academy of management of the ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia
vadim_b79@icloud.com

Abstract. This article reviewed and analyzed assesses the development of legal status, organizational frameworks, and interagency mechanisms by which the Soviet militia engaged with juveniles between 1917 and 1977. We demonstrate that the combination of punitive and rehabilitative measures, followed by formalized cooperation among law enforcement, education, and health authorities, produced a measurable decline in repeat serious offences by minors and underpinned the modern prevention system codified in Federal Law from 24.06.1999 No. 120 «On the fundamentals of the system for preventing child neglect and delinquency». The practical significance lies in identifying enduring elements of the Soviet model that may inform current juvenile justice policies and optimize interagency prevention strategies.

Keywords: soviet militia, juveniles, crime prevention, interagency cooperation, juvenile affairs commission, prevention, criminal liability, social guardianship

© Бажутин В. Ю., 2025

For citation: Bazhutin VYu. Legal and organizational foundations of the Soviet police professional activities with regal to minors (1917–1977). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2025;10(2):13-19. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-2-13-19

Введение

Несовершеннолетние всегда рассматривались государством как ключевая категория для обеспечения социальной стабильности и безопасности общества, что отражено в постановлениях первых всероссийских съездов по защите детства и последующих нормативных актах. Динамика трансформации социальной среды — от массовой беспризорности 1920–1930-х гг. до роста преступлений сексуальной и насильственной направленности при активном использовании информационно-телекоммуникационных технологий в современной действительности — требует осмысления исторического опыта работы органов внутренних дел с несовершеннолетними. Анализ эволюции практики работы советской милиции с несовершеннолетними в условиях меняющихся политических и экономических реалий позволяет не только проанализировать механизм взаимодействия комиссии по делам несовершеннолетних, как координирующего органа государственной власти с правоохранительными, образовательными, медицинскими, иными федеральными органами государственной власти, учреждениями и организациями, но и извлечь уроки для совершенствования современных ювенальных институтов.

В советской правовой системе вопросы защиты прав и интересов несовершеннолетних изначально рассматривались как часть общего социального строительства нового государства. Так, со 2 по 8 февраля 1918 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд по охране детства, на котором были впервые сформулированы основные направления государственной опеки над беспризорными детьми. Перед этим, в декрете СНК РСФСР от 31 декабря 1917 г. «О принципах проведения в жизнь политики социального воспитания» закреплялась задача создания централизованных органов опеки и попечения о беспризорниках. Однако уже к началу 1920-х годов на фоне обострения экономических и демографических последствий Гражданской войны значительная часть функций социальной поддержки несовершеннолетних стала передаваться милиции. Подписание В. И. Лениным декрета № 133 «О советской рабоче-крестьянской милиции» 3 апреля 1919 г. официально закрепило правоохранительный статус данного органа, а последующие положения и постановления СНК РСФСР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) (в частности от 17 июля 1929 г. и от 31 мая 1935 г.) расширили круг обязанностей милиции, включив в него профилактику и борьбу с детской преступностью, безнадзорностью и беспризорностью, организацию трудовых домов и контроль за детскими досуговыми учреждениями.

В послевоенный период законодательная база корректировалась с учётом новых социокультурных реалий: Указ Президиума ВС СССР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» придал подразделениям милиции статус координационных органов, а их реорганизация 1977 г. выстроила систему межведомственного взаимодействия между органами внутренних дел, органами государственной власти, учреждениями и организациям. Несмотря на обилие нормативных актов, до настоящего времени остаётся недостаточно исследованным вопрос, как сочетание карательных и воспитательных мер отражалось в реальной практике советской милиции, и какие правовые гарантии восполняли пробелы в защите прав несовершеннолетних. Это делает актуальным изучение эволюции правового статуса и организационных основ деятельности советской милиции в отношении несовершеннолетних для понимания исторического опыта и его влияния на современные подходы к ювенальной юстиции.

Цель исследования заключается в анализе и оценке этапов развития правовых норм и организационных форм советской милиции по работе с несовершеннолетними, выявлении ключевых факторов, определявших баланс между карательными и коррекционными методами, а также анализе их влияния на эффективность профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Материалы и методы исследования

В качестве эмпирической базы были использованы нормативно-правовые акты (Постановление СНК СССР № 3/598 от 7 апреля 1935 г., Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г., Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции (Положение) от 10 июня 1920 г. и др.), хранящиеся в фондах государственного архива (ГАРФ), а также отчёты комиссий по делам несовершеннолетних и статистические сводки МВД за 1935–1980 гг. Для анализа применялись историко-правовой и сравнительно-правовой подходы, системно-структурный анализ организационных моделей, функциональный метод для оценки полномочий милицейских органов и контент-анализ правоприменительной практики с сопоставлением протоколов комиссий, газетных публикаций и официальных статистических таблиц.

Развитие подразделений милиции по делам детей

В отечественной историографии институциональное оформление работы советской милиции с несовершеннолетними находит отражение в нескольких

ключевых этапах. В 1960–1970-е годы отечественные правоведы, опираясь в основном на публикации в журналах и сборники документов, в первую очередь анализировали импульсы, породившие создание детских приемников-распределителей и первые милицейские «социальные инспекции». Однако сам факт передачи функций опеки над беспризорными от системы народного образования к правоохранительным органам оставался в тени: большинство работ упоминало Положение о рабоче-крестьянской милиции (1920 г.) лишь как основной нормативный-акт, не выделяя специфику детских подразделений. В 1921 г. при ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия), возглавляемая Ф. Э. Дзержинским. В её задачи входило не только временное устройство беспризорников, но и сбор сведений о бытовых условиях семей, что впоследствии легло в основу работы первых детских социальных инспекций при милиции. В постсоветский период исследователи обратили внимание на архивные материалы, что позволило реконструировать порядок работы комиссий по делам несовершеннолетних и их взаимодействие с милицией после Постановления СНК СССР № 3/598 от 7 апреля 1935 г., в котором закреплялся приоритет карательных мер над профилактическими.

Системный прорыв в понимании становления институциональной модели произошёл в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда зарубежные специалисты по ювенальной юстиции стали соотносить опыт советской практики с европейскими стандартами защиты прав ребёнка. В результате было подчёркнуто, что Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» впервые формально интегрировал милицию в межведомственную систему профилактики правонарушений, предоставив сотрудникам милиции новые полномочия по выявлению «социально опасных» семейных ситуаций. Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1977 года «Об основных обязанностях и правах инспекции по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», восполнил пробелы первоначальной нормативной базы и укрепил правовые гарантии несовершеннолетних, не имеющих родительской опеки.

Правовые основания формирования и развития специализированных подразделений милиции по делам детей изначально закреплялись в следующих нормативно-правовых актах:

– Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции (Положение) от 10 июня 1920 г., который придал милиции статус профессионального правоохранительного органа, действующего на штатной основе [1]. Первоочередной задачей декрета была борьба с контрреволюцией и охрана общественного порядка, уже в 1920-х гг. сотрудники милиции фактически брали на себя функции социальной защиты беспризорников, о чём свидетельствуют отчёты ГПУ и Наркомюста;

– Постановлениях СНК СССР и ЦИК СССР «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 года и «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года № 3/598, закрепивших за милицией обязанности профилактики правонарушений несовершеннолетних и организацию приемников-распределителей [2];

– Указе Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» и последующих межведомственных инструкциях 1977 г., которые формализовали межведомственное взаимодействие при профилактике правонарушений подростков [3]. Эти документы окончательно выстроили правовую модель, где милиция выступала не только как карающий орган, но и как звено социальной помощи.

Изучение этих актов показывает, как на протяжении полувека выстраивалась правовая конструкция, объединявшая силовые функции охраны общественного порядка с задачами социальной опеки над несовершеннолетними. Такой синтез, несмотря на недостаточную формализацию процедур, стал одним из исторических предвестников современной модели ювенальной юстиции в России.

Функциональная компетенция и полномочия подразделений милиции в сфере работы с несовершеннолетними

Советская милиция приобрела первые чётко обозначенные полномочия в отношении несовершеннолетних с принятием Постановления СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 7 апреля 1935 г. № 3/598. Оно формализовало право органов внутренних дел заниматься профилактикой детских правонарушений, утверждало диспозитивный механизм передачи детей из семьи и интерната в приемники-распределители под надзор милиции.

Подтверждение реализации этих мер содержится в Указе Президиума ВС СССР от 7 июля 1941 г. «О применении судами Постановления…». Этот документ разъяснял судебную практику по применению мер уголовной ответственности к подросткам, начиная с 12 лет, и инициировал взаимодействие милиции с судебными органами, что требовало от неё сбора доказательств и составления процессуальных документов [4].

Инструкция НКВД СССР от 10 января 1940 г. предписывала органам милиции лично организовывать мероприятия по изъятию беспризорных детей:

участковые обязаны были посещать учреждения здравоохранения и образования, взаимодействовать с обществами Красного Креста и Союзом военных инвалидов, а также формировать внутри отделений милиции специальные группы по делам несовершеннолетних.

В послевоенное время милиция приступила к систематическому сбору статистических данных о состоянии подростковой преступности и эффективности принимаемых мер. Материалы в виде справок территориальных управлений милиции о состоянии преступности среди несовершеннолетних регулярно поступали в вышестоящие органы управления [5]. Это позволяло анализировать профиль подростковых правонарушений и выстроить профилактические мероприятия, опирающиеся на выявленную тенденцию по возрастным и территориальным признакам.

С реформами 1958–1960 годов произошёл серьёзный сдвиг в полномочиях милицейских органов в отношении несовершеннолетних: принятие Основ уголовного законодательства СССР 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. ввели возрастные рамки уголовной ответственности — 16 лет общеустановленного и 14 лет сниженного возраста [6]. Для милиции это означало смещение акцента с карательных функций на воспитательные механизмы — переквалификация проступков преимущественно как административно-дисциплинарных и видов образовательного воздействия, что отражалось в работе, прежде всего, участковых.

Утверждение в 1970-х годах функциональных обязанностей и правового статуса должности инспектора по делам несовершеннолетних закрепило формальную структуру внутри советской милиции, наделяя её полномочиями вести профилактический учёт несовершеннолетних, проводить беседы, вызывать на профилактические мероприятия и направлять в образовательные учреждения [7] — именно эти функции стали основной компетенцией советской милиции в отношении несовершеннолетних, что во многом сохранилось и в современных органах внутренних дел.

Отметим, что функциональная компетенция и полномочия советской милиции в ювенальной сфере формировались постепенно: от контроля и передачи дел по несовершеннолетним в приемники-распределители (1935 г.) и участия в судебном процессе (1941 г.), через учреждение детских комнат милиции (1944 г.) и регулярный сбор статистики и анализа детской преступности (1950-е гг.), до системного введения инспекторской функции в подразделениях уголовного розыска (1960-е — 1970-е гг.). Такой комплексный подход лёг в основу современной модели деятельности органов внутренних дел в вопросах профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Механизмы межведомственного взаимодействия и превентивная деятельность милиции

Становление механизмов межведомственного взаимодействия в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в Советской России началось, когда постановлением Народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и юстиции от 30 июля 1920 г. был принята Инструкция, наделившая комиссию широкими полномочиями по координации деятельности школ, лечебных учреждений и судов в по работе с беспризорными детьми. Это позволило заложить первые основы комплексной профилактической деятельности, основывавшейся на взаимодействии правоохранительных и социальных служб. В 1926 и 1929 годах постановления СНК РСФСР о местных комиссиях по делам несовершеннолетних зафиксировали ответственность советских милицейских органов за выявление и ведение учёта детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [8]. Эти меры закрепили институциональную модель, согласно которой надзор за подростками осуществлялся милицией в тесной связи с образовательной и медицинской системой.

Серьёзный шаг вперёд в данном вопросе произошёл после издания постановления СНК СССР от 11 июля 1931 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам о несовершеннолетних», которое создало общесоюзный правовой каркас, определив структуру, задачи и полномочия таких комиссий, включая участие милиции, просвещения и здравоохранения в единой схеме поддержки и профилактики. В этот период активизировалась практика совместного рассмотрения случаев совершения несовершеннолетними правонарушений, ведения протоколов и обмена информацией между ведомствами, что документально отражено в отчётах комиссий по делам несовершеннолетних [9].

Как мы видим, формирование межведомственной структуры совершается через эволюцию нормативной базы, начиная с локальных координационных практик 1920-х годов, через формализацию союзной системы комиссий в 1931 году. Это позволило строить профилактическую работу на принципе единой государственной ответственности за защиту несовершеннолетних и стало фундаментом современной ювенальной модели, где инспекторы по делам несовершеннолетних, социальные педагоги и медработники, представители государственных учреждений и общественных организаций действуют согласованно в интересах ребёнка и общества.

Оценка эффективности правового регулирования и наследие советской модели в современной ювенальной юстиции

Оценка эффективности советской модели деятельности милиции в отношении несовершеннолетних

требует комбинированного применения карательных и воспитательных мер, заложенных в базовых актах 1935–1967 годов. Введение постановлением СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 обязанности милиции организовывать приемники-распределители и вести профилактический учёт несовершеннолетних позволило централизовать статистику правонарушений и быстро отреагировать на рост беспризорности. Однако наступление уголовной ответственности с 12 лет, официально закреплённое тем же документом, часто нивелировало воспитательный потенциал комиссий, порождая недоверие семей и педагогов к правоохранительным органам.

Лишь после реформ конца 1950-х — начала 1960-х годов, когда Основы уголовного законодательства СССР 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. подняли нижний возраст уголовной ответственности до 14/16 лет и ввели меру воспитательного надзора вместо наказаний, милиция смогла перенастроить свою работу на раннюю превенцию противоправного поведения. Переквалификация многих подростковых правонарушений в административные правонарушения с обязательными беседами и направлением в ремесленные училища значительно снизила нагрузку на приёмники и укрепила доверие к участковым инспекторам.

Переход к межведомственному взаимодействию оформился Указом Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних», где впервые были чётко определены обязанности органов внутренних дел, образования и здравоохранения в единой профилактической сети. Совместные приказы МВД, Минпросвещения и Минздрава 1977 г. дополнили этот механизм регламентами обмена информацией, что позволило в режиме реального времени корректировать мероприятия по сопровождению подростков в трудной жизненной ситуации.

В итоге к началу 1980-х годов советская система превентивной работы с несовершеннолетними базировалась на трёх уровнях: ранняя диагностика проблемы (комиссии, участковые инспекторы), координация ресурсов (школы, больницы, профтехучилища) и административная поддержка (приёмники). Статистические отчёты МВД за 1970–1980 гг. фиксировали постепенное снижение рецидивов тяжких правонарушений подростков, что свидетельствует о действенности комплексного подхода.

Наследие этой модели составляет платформу для современной российской ювенальной юстиции: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» формализовал межведомственный учёт и расширил полномочия инспекторов по делам несовершеннолетних, сохранив принцип раннего вмешательства и социально-реабилитационной направленности советского периода.

Выводы

В ходе работы прослежена эволюция правовых и организационных основ взаимодействия советской милиции с несовершеннолетними: от нерегулярного исполнения социально-опекунских функций в 1920–1930-е годы до создания в 1967–1977 годах межведомственной структуры комиссий по делам несовершеннолетних. Формализация обязанностей милиции постановлением СНК СССР № 3/598 (1935 г.) централизовала приём и учёт беспризорников, однако чрезмерная карательная направленность снизила эффективность коррекционных мер. Повышение возраста уголовной ответственности и введение воспитательного надзора в 1958–1960 гг. позволили сместить акцент на профилактику и реабилитацию. А межведомственные приказы 1977 г. укрепили координацию МВД, просвещения и здравоохранения, что дало заметное снижение рецидивов тяжких правонарушений подростков к началу 1980-х. Совокупность этих мер легла в основу современной системы работы органов внутренних дел с несовершеннолетними, сохранившей принципы раннего вмешательства, комплексного сопровождения и межведомственного взаимодействия.

Список источников

1. Деятельность силового механизма Советской России по обеспечению безопасности функционирования железнодорожного транспорта в экстремальный период становления Советского государства 1917–1923 гг. : сб. док. и материалов / сост. Н. Д. Литвинов, Ш. М. Нурадинов. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России (ВИ МВД России), 2000. 278 с. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/71988-deyatelnost-silovogo-mehanizma-sovetskoy-rossii-po-obespecheniyu-bezopasnosti-funktsionirovaniya-zheleznodorozhnogo-transporta-v-ekstremalnyy-period-stanovleniya-sovetskogo-gosudarstva-1917–1923-gg.

2. Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / сост. С. С. Виленский [и др.]. М. : МФД, 2002. 628 с. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/362734-deti-gulaga-1918–1956.

3. Ткаченко Н. Н., Кузнецова К. А. Исторические аспекты становления и развития профилактики безнадзорности преступлений и правонарушений несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4 (99). С. 78–84.

4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. / [сост. Юрид. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР]. 2-е изд. М. : Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 (тип. «Известий»). 359 с.

5. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. / сост.: Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М. : РОССПЭН, 2010. 813 с. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405000-na-locale-nil-krayu-locale-nil-sovetskogo-obschestva-sotsialnye-marginaly-kak-obekt-gosudarstvennoy-politiki-1945-1960-e-gg.

6. Салахов Э. Б. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Молодой учёный. 2022. № 52 (447). С. 285–288. URL: https://moluch.ru/archive/447/98297.

7. РСФСР. Законы и постановления. Собрание постановлений правительства Российской Федерации. Алфавитно-предметный и хронологический указатели за 1975 год, № 1–22. М. : Российское право, 1917–1992, 1975. 31 с. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382763.

8. Заколодкин И. Ф. ВКП(б), советская власть, комсомол и профсоюзы: О культурном строительстве / сост. И. Ф. Заколодкин, В. В. Морозов, А. Я. Подземский. М. : Работник просвещения, 1930. 608 с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/101811-zakolodkin-i-f-vkp-b-sovetskaya-vlast-komsomol-i-profsoyuzy-o-kulturnom-stroitelstve-locale-nil-m-1930.

9. Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг. : сб. документов и материалов / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии ; сост. : Г. Е. Корнилов, И. А. Лавров. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2009. 736 с. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/71984-besprizornost-na-urale-v-1929-1941-gg-sbornik-dokumentov-i-materialov.

References

1. Litvinov ND, Nuradinov ShM, eds. Activities of the soviet security apparatus to ensure the safety of railway transport during the extreme period of formation of the Soviet State 1917–1923: Collection of documents and materials. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia et al.; 2000. 278 p. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/71988-deyatelnost-silovogo-mehanizma-sovetskoy-rossii-po-obespecheniyu-bezopasnosti-funktsionirovaniya-zheleznodorozhnogo-transporta-v-ekstremalnyy-period-stanovleniya-sovetskogo-gosudarstva-1917–1923-gg. (In Russ.).

2. Vilensky SS et al. Children of the GULAG, 1918–1956. Moscow: MFD; 2002. 628 p. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/362734-deti-gulaga-1918-1956. (In Russ.).

3. Tkachenko NN, Kuznetsova KA. Historical Aspects of the Formation and Development of Prevention of Neglect, Crimes and Offenses by Minors. Yurist-Pravoved = Lawyer-Legalist. 2021;4(99):78-84. (In Russ.).

4. Secretariat of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, Legal Department, comp. Collection of Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938–1944. 2nd ed. Moscow: Vedomosti VS SSSR; 1945. 359 p. (In Russ.).

5. Zubkova EYu, Zhukova TYu, eds. On the “Fringes” of Soviet Society: Social Marginals as an Object of State Policy, 1945–1960s. Moscow: ROSSPEN; 2010. 813 p. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405000-na-locale-nil-krayu-locale-nil-sovetskogo-obschestva-sotsialnye-marginaly-kak-obekt-gosudarstvennoy-politiki-1945-1960-e-gg. (In Russ.).

6. Salakhov EB. History of the Development of Criminal Legislation on the Responsibility of Minors. Young Scientist. 2022;52(447):285-288. Available from: https://moluch.ru/archive/447/98297 (In Russ.).

7. RSFSR. Laws and Decrees: Collection of Decrees of the Government of the Russian Federation, Alphabetical–Subject and Chronological Indexes for 1975, Nos 1–22. Moscow: Russian Law; 1975. 31 p. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382763. (In Russ.).

8. Zakolodkin IF, Morozov VV, Podzemsky AYa, eds. The VKP(b), Soviet Power, the Komsomol and Trade Unions: On Cultural Construction. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya; 1930. 608 p. Available from: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/101811-zakolodkin-i-f-vkp-b-sovetskaya-vlast-komsomol-i-profsoyuzy-o-kulturnom-stroitelstve-locale-nil-m-1930 (In Russ.).

9. Kornilov GE, Lavrov IA, eds.; Ural Branch RAS, Institute of History and Archaeology. Homelessness in the Urals in 1929–1941: Collection of Documents and Materials. Yekaterinburg: AMB Publishing; 2009. 736 p. Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/71984-besprizornost-na-urale-v-1929–1941-gg-sbornik-dokumentov-i-materialov (In Russ.).

Информация об авторе

В. Ю. Бажутин — адъюнкт; заместитель начальника отдела Управления уголовного розыска, подполковник полиции.

Information about the author

V. Yu. Bazhutin — Adjunct; Deputy Head of Department of the Criminal Investigation Department, Police Lieutenant Colonel.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025. Одобрена после рецензирования 21.07.2025. Принята в печать 25.07.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict interest.